

ИЗНАНКА

The background of the entire cover is a dark, swirling green with many out-of-focus light spots (bokeh) and streaks of light, creating a sense of motion and depth. In the center, a bright yellow circle glows, and inside it, the silhouette of a person is shown from the chest up, with their arms spread wide to the sides. The person's hands are also spread, as if they are reaching out or floating. The overall effect is ethereal and mysterious.

18+

ИНГА КУЗНЕЦОВА

Инга Анатольевна Кузнецова

Изнанка

Серия «Городская проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60707360
Изнанка/ Инга Кузнецова: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-133770-4

Аннотация

Сенсационный роман Инги Кузнецовой написан от лица главного героя всех новостных лент мира. И это... мыслящий вирус, тоскующий по людям. Сюжет учитывает и официальные, и конспирологические гипотезы распространения SARS-CoV-2. Герой попадает сначала в тела животных, над которыми ведут эксперименты, а затем – в организмы Гигов, позволяя читателю видеть человеческую изнанку совершенно не так, как ее преподносит нам анатомия или психология. Стремящийся к людям вирус открывает парадоксальные законы этого мира: познание существ неотделимо от их поглощения, а любовь неутолима. Любящему герою приходится понять и то, что из-за него умирают. Не касается ли это и наших взаимоотношений друг с другом? Среди человеческих персонажей романа – не только самые обычные люди, но и маньяк-убийца. Дерзкий роман переворачивает привычные смыслы, предлагая удивительную и радикально новую версию устройства Вселенной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Инга Кузнецова

Изнанка

Глава 1

Река

1

И я понял, что мы летим.

Из тьмы и тьмы, из гущи сырого мрака, из жирной пещерной слизи мы вырвались во что-то лёгкое, свежее и захватывающее, пахнущее желаниями, травой, жизнью. Это была уже другая – разбелённая, разреженная темнота.

Смутные холмы разворачивались под нами. Невидимые существа кричали над нами. Кто-то сумеречный, затаившийся в шелесте, зыркнул безумным глазом. Хозяин начал снижение.

Впереди блестела река. Я знал: Хозяин не видит чёрно-зелёного и буро-землистого берега и не чувствует, как прекра-

сен сдержанный блеск воды. Но я-то его предвидел. Да, сейчас за гигантской кроной, увеличенной тенью, перед нами возникнет она – обратная сторона всего, текущая бесконечность, которая меня блазнит.

Мой Хозяин летит зачерпнуть инобытия.

Уцепившись выростами за неровный покров, скрывающий от меня его возлюбленное тепло, чувствуя всепроникающую нежность к широким взмахам, обдающим меня пластами запахов, лопастями прохлады и токами усталости, я с каким-то любопытством ужаса жду, когда наконец Летучий потеряет меня.

Ведь он слышит, как шумит вода. Он боится её, но сейчас слишком хочет пить (пересохший голос разбивается на последовательность отдельных пунктов). Пить и есть. Над рекой висят существа, которым предназначено стать частицами хозяйского тела. Он поймает их. Если я что-то смутно помню об этом, значит, так уже было. Я думаю, что это прекрасная участь и что они всё понимают.

Определяя расстояние от нас и до них, Летучий Хозяин выпускает тонкую цепочку звуков. Он ждёт ответов от всех и больше всего от реки. Но она ускользает. Береговые деревья сообщают ему всю правду о твёрдости своих стволов, а влаж-

ное травяное месиво то говорит с ним, то загадочно уклоняется от ответа.

Я чувствую траву, точно я сам – хватка моего Хозяина.

2

Звуки к нему возвращаются, тело его вибрирует.

Я боюсь разлуки и того, что сейчас она будет водой. Слабеющими выростами цепляюсь за мелко-пластинчатый покров, исчерченный и истрёпанный ветром. Покров сжимается и разжимается, сжимается и разжимается. Я на самом краю хозяйского зева, манящего мягкостью выстилки. Он близко, но я не могу двигаться. Не могу оказаться в нём по собственной воле, как бы она ни была сильна – эта моя тяга к Хозяину, тяга быть с ним, тяга быть им.

Волны бегут перед нами, а потом под нами – и зовут, зовут. Я не знаю, что будет, если вдруг меня оторвёт от Хозяина и я упаду в бесконечность. В этот плавно-быстро-блестящий круговорот. Будет ли моя полужизнь тогда настоящей гибелью или нет? А если она будет всё-таки жизнью, с кем тогда она будет?

Я не представляю себя без Хозяина. В волне мелькает

невозможная мысль о его инобытийной копии – по ту сторону воды. Но я не успеваю её додумать.

Издав короткий резкий крик, сразу улетевший вверх, и едва не сбросив меня, Хозяин совершает подлёт. И что-то тяжёлое, жёсткое тотчас сбивает меня с толку и отрывает от чешуйки покрова. Я не успеваю пропасть, даже испугаться не успеваю: прилипнув к жёсткому, я уже качусь вместе с ним к жадному, жаркому, нежному жерлу, дрожащему и отрыгивающему звук за звуком, каплю за каплей. Это горло Хозяина.

Я не знаю, кто или что катит меня внутрь, в клокотание горла. Пухлый покров обнаруживает множество входов, и, не теряя ни мига, я соединяюсь с одной из возможностей.

3

То, что вкатило меня в горло-жерло, оказывается живым, и сейчас оно придаёт нам с Хозяином дополнительной тряски, сопротивляясь втягиванию и растворению в недрах.

Спасаясь от него и проникая в мягкое мокрое, раздвигая лепестки этой мякоти, я нахожу себе убежище – отдельный отсек, одна из стенок которого кажется тонкой и лёгкой для проникновения, а другие – надёжно-прочными.

Осторожно прорываю оболочку. Сквозь полупрозрачные стенки можно видеть, как в соседних отсеках роится своя тихая жизнь. Что-то движется, распухает и лопается; выпучивается, отделяется, скукоживается и распрямляется. За таившись, я чувствую, что за рядами ближайших отсеков пролегают мощные жидкопроводы Хозяина. Кажется, что по ним течёт его личная бесконечность. Она задаёт ритм всему: всем выпячиваниям веществ и рождениям новых неясных полусуществ.

Тело-мир мерно дрожит, успокаивая всё живущее в нём, и постепенно моё беспокойство гаснет. Я согрелся. С нежностью чувствую, что Летучий кого-то ест и что ему хорошо.

Я тоже наудачу всасываю маленький кусочек мякоти, выстилающей поверхность убежища. Казалось, никогда ранее я не поглощал ничего более питательного и необходимого! Мирное, близкое тепло жидкопровода расслабляет меня. Тёплое тело Хозяина – вот моя родина, настоящая родина, которую я не захочу и, кажется, уже не смогу покинуть.

4

Убаюканный сытостью, я представляю себе, как Хозяин носится над широкой рекой, заглатывая вместе с влажным

воздухом громких и твёрдых существ и перемалывая их, перерабатывая под себя и накапливая упругую мягкость. А я уже живу в ней. О, как долго я стремился к этому! Как мечтал путешествовать по его телу, которое люблю!

Но сейчас меня утяжеляет усталость, клонит в сон достигнутая цель, и я решаю отложить путешествие на потом, когда свет прибавит яркости вовне и Хозяин будет метаться, пока не найдёт себе новое укромное место или не вернётся в прежнее логово. Он успеет. Почему я в этом так уверен?

Я удивляюсь сам себе. Интересно, ждёт ли там его кто-то подобный ему? Этого я не помню. Сама мысль, допускающая возможность существ, похожих на Хозяина, кажется мне жестокой. Не понимаю, почему она мучает меня. Мне хочется, чтобы он оказался единственным.

5

А я? Я – единственный? Я представляю, как, набравшись сил, я мог бы и сам начать делиться на «я одно», «я другое» и так далее, вплоть до последнего «я» в самом конце этой живой цепочки. Эта странная идея будоражит и будит меня.

Возможно, «мы», эти множество «я», поймём нашего Хозяина быстрее – все его мельчайшие процессы, все его же-

лания, и тогда жизнь в его мире станет отчётливей. Для меня или для всех «нас»? А может быть, всё наоборот? И, размножившись, я перестану чувствовать что-то важное? Всё сотрётся и станет однообразным? Не будет ни прежней преданности, ни прежних желаний?

...

Слишком много вопросов.

6

Сквозь дрему дезактивации всё возникает само: Хозяин смыкает свои невидящие глаза и переворачивается вниз головой, цепляясь за свод, сделанный из скользкого мрака. И рядом – о, жестокость! – его подобия. Точно сейчас меня нет, а вместо меня разворачивается реальность, сдвинутая вперёд. Подобные Хозяину висят звериными головами вниз, сгрудившись тесно, бок о бок. Над ними – слизистый свод, под ними – крошечный мрак.

Бездна, в которую всё уходит. Наверное, раньше я слишком много думал о ней. Вот под ними она и есть. А это значит, что преданность не бесконечна, увы. До моего Хозяина у меня был другой. Перед тем как выпасть в бездну, он отдал меня новому. Может быть, он и не выбирал преемника и это произошло случайно. Прежний хозяин что-то просви-

стел ему на прощанье.

Цепочка свистящих звуков, в оболочке влаги, влажного хрипа. С этой влагой из тела вылетел я. Тело прежнего Хозяина перестало быть для меня миром и кануло в бездну, которая всегда подстерегает всех.

Я упал на грубый покров нового существа и вцепился в одну из чешуек, что топорщились на поверхности. Влага высохла, а я остался.

7

...Когда прихожу в себя, оказывается, что камеры больше нет: стенки обвалились, мякоть, укреплявшая их, исчезла. Я в какой-то трухе. Кто разрушил моё убежище? Приходится прорвать оболочку соседней камеры. Она кажется мне слишком тесной. Новая? Она тоже мала. Что-то с ними не так! Что-то со мной не так...

Я открываю камеру за камерой, отсек за отсеком и не могу остановиться. В каждой и каждом я поглощаю кусочек мякоти, совсем крошечный, и взамен оставляю часть себя – сломанный вырост или фрагмент поверхностной ткани. Не знаю, может, это и не благодарность, а извинение. А может, просто след, по которому бы я когда-нибудь мог вернуться

назад, в глотку. В некоторых отсеках я устраиваю тайники. Я боюсь сделать что-то резкое. Ведь это возлюбленное тело Хозяина. Я не понимаю, как мне его беречь, и спешу узнать его.

Некоторые из отсеков похожи на склады неопределённых субстанций. Некоторые населяют полусущества, не имеющие чётких контуров. Они реагируют на меня, изменяя цвет, будто предупреждают о своей враждебности. Они точно говорят: «Мы с тобой соперники за любовь и тело Хозяина, за его возможности. Исчезни, а?» Но я не собираюсь вступать с ними ни в какое – ни дружеское, ни соперничающее – взаимодействие. Они не участвуют в наших отношениях с Хозяином, и поэтому я не обязан понимать их стремления. Я не враждебен к ним. Я нейтрален.

Странно, что я могу двигаться так быстро, зная, что Летучий спит. Он почти замер. Отсеки смещаются и возвращаются в прежние положения плавно, точно скользят в чём-то тягучем. Жидкопроводы остыли. Перемещаясь и чувствуя всё большую тесноту внутри не поспевающих за мной отсеков, внезапно я догадываюсь, что распухаю. Я не знаю, что делать.

Как остановить это? Мне страшно. Я не хочу разрушать Хозяина.

Мои переживания теряют всякий смысл. Мир хозяйского тела превратился в войну.

Гром и грохот, столь непохожие на речь Летучего, оглушают, сминают, скукоживают меня. Я пытаюсь двигаться, из меня выделяется жидкость. Это тщета. Ужас сушит отростки.

Всё сигнализирует о том, что имеет пределы, – и тело-мир, в котором я нахожусь и которое полюбил. Хозяин становится маленьким, а я – совсем неразличимым. Близкие жидкопроводы разогреваются так, что всякое продвижение к ним становится невозможным. Влага внутри бунтует, точно забыла, в какую сторону течь. Стенки камер обрушиваются сами собой. Мир Хозяина превращается в беспорядочный поток разрозненных фрагментов.

Вдруг меня втягивает в какую-то полость и вот уже с силой тащит по длинному влажному каналу. Я завёрнут в скольжение. Невозможно ни за что уцепиться. Отростки

рвутся. Тряска не прекращается: то становится более ритмичной, то снова опрокидывается в хаос.

Сквозь этот чад я узнаю слабую цепочку хозяйского голоса. И безо всякой чёткости можно разобрать отчаянье в каждой точке каждого звука.

Вместе с обрывками и обломками того, что прежде принадлежало Хозяину, меня бросает вперёд и втягивает назад, и это «назад» и «вперёд» столько раз повторяется, что в конце концов я перестаю их различать.

Глухо и грубо возникают чужие страшные голоса. Их рисунок некрасив. Они принадлежат врагам.

Что они делают с Хозяином? Как мне защитить его, если я так слаб и ничтожен? Мой Хозяин теряет силы. Хозяин мечется. Меня выбрасывает в глотку, пористое пространство возможностей. Дорога пузырьчата. Я прикрепляюсь к одному из полукруглых пузырей. Отростки входят легко и без поломок. Конечно, пузырь – неудобная камера (да и не камера вовсе – так, какая-то форма). Но сейчас нам не до удобства.

А Летучий теперь не подаёт сигналов. Он не управляет никакими взаимодействиями. Мир его тела сейчас так холоден, что блокирует возможность различить, жив Хозяин

или нет. Если он мёртв, это значит, что и я погибаю, потому что полусуществование без него не имеет для меня никакого смысла.

10

Но нет, это ещё не конец. Звуки за пределами хозяйского мира-тела требуют нас к себе. Злые силы. Они переливаются в двух голосах, и один из них всё ближе. Что-то непостижимо огромное поднимает нас с Хозяином и бросает в жуть, в отчаянье, в пронзительный звук.

Тело-мир жадно сжимается-разжимается, а я, вырвавшись из пузыря, бултыхаюсь в жидком секрете хозяйского горла. Сквозь толщи покровов сюда, ко мне, сочится ужас других существ и выделяемых ими веществ, смешанный с душным призывом незнакомых событий. И вдруг Хозяин дёргается и яркое, разрубленное резкими полосками света и тьмы пространство вне его возникает как новая пугающая реальность. Питательная жидкость горла течёт туда, вон, увлекая и меня. Отломанные отростки остаются в камере-пузыре, а я плыву и теряю Хозяина.

Меня волочёт разлука. Сдвинутая вперёд реальность уже почти наступила. Но Летучий совершает последний рывок. Яркое схлопывается, и я откатываюсь к истыканному пузы-

рю в глотке и снова вцепляюсь в истончённую стенку тремя оставшимися выростами.

Мой Хозяин жив. Под нами шевелится страх. В нём томятся подобия Хозяина, издающие измученные позывные.

Глава 2

Дорога

1

Мы упали в какую-то паузу бытия и теперь обложены несвободой: я, мой Хозяин и его неточные копии. Движение прекратилось. Желания исчезли. Стремиться некуда.

Страх за Хозяина притупился – не потому, что опасности больше нет. Её нет, как ничего нет. Просто этот страх сейчас кажется совершенно тщетным. Я не могу спасти моего Хозяина. Ни сейчас, ни потом. Могу только думать о нём, обо всём. Следить за тем, как меняется реальность. Вернее, моё понимание её.

2

А моё понимание сути всего изменилось.

Раньше я думал: существует множество миров и все они великолепно естественны. Они развиваются сами собой и связаны важными смыслами. Может быть, так, как я и Хозя-

ин; может быть, как-то иначе. Его тело – моя родина, которую легко любить, в которой славно быть. Я поглощал её кусочки, но и сам был её крошечным «куском». Я был не один: множество полусуществ, подобных мне и отличавшихся от меня, виделись рядом, смутно. Мы не интересовались соседями, но жили и действовали, не мешая друг другу пребывать в Хозяине. Нас всех будил и убаюкивал единый ритм, этот равномерный ток бесконечности в его трубопроводах.

И я доходил до мысли, что мой Хозяин – возможно, такая же часть чьего-то тела-мира, как и я. Может быть, наружный мир Хозяина – это существо, чью огромность мне даже не представить; а земля, вода и воздух – это слои его непомерного тела, его токи, его мякоть. И в этом таинственном существе живёт мой Хозяин и его звероподобия, их звероотличия, холмы... А у «наружного» Непомерного, внутри которого живёт мой Хозяин, есть свой, совсем Невероятный Хозяин. И у него тоже есть Хозяин...

Хозяева есть у всех, так устроены миры и миры, которые движутся нашей любовью к ним. Вот безумная, прекрасная правда, которая думалась мне сама и представала передо мной как отсвет бесконечной череды миров, пронизанных разнонаправленной любовью.

Но оказалось, что это ещё не всё. Ещё не всё.

Произошло вот что: миры, их связь перерубили существа совершенно иного типа. Хозяин не может теперь свободно существовать в Непомерном – естественные пути нарушены существами, не понимающими всеобщего закона миров. Судя по голосам, они Гиганты. Куда крупней и сильнее Летучего. Их сила, может быть, и не была злой изначально. Но с нами сейчас она играет какую-то злую шутку, смысл которой не выудить из естественной бесконечности.

Зачем эти Гиги (так я решил их называть) вмешались в нашу реальность? Что эти ложные хозяева, эти самозванцы хотят от нас?

Они действуют самовольной силой, но я надеюсь на одно – на то, что эти действия не натянуты ветром, не обусловлены общим законом вещей – и здесь, возможно, остаётся лазейка для спасения. Какая-то крошечная прореха в покрове сдвинутой вперёд реальности.

Она нужна Летучему. И я её найду.

Сейчас нельзя уходить в глубь Хозяина. Нельзя есть его, терять время на собственный прокорм. Я должен быть предельно собран. Необходимо затаиться. Прислушаться к происходящему и принять его. Это поможет приспособиться к Гигам. Понять те сигналы, что они посылают друг другу. Только после этого можно будет действовать.

Я различаю шумы. Судя по ним, похитителей двое. Оба звучат громоподобно, но по-разному. Один – настойчивей, другой – как бы отступая. Скорее всего, они сейчас переговариваются о нас. Я решаю записать эти звуки, вобрать в себя. Позже, вероятно, мне удастся понять, что они значат.

Некоторые сочетания звуков повторяются чаще других: «блеать», «пох», «нах», «ауе». Думаю, их быстрее всего удастся понять.

- Ничё так охота?
- Ничё, блеать. Но было и круче.
- Да ладно, блеать! Клёво отоварились.

- Давай, шевели лапами, блеать.
- Иди нах.
- Чё, ты как дед, блеать? Она ж не тяжёлая.
- Вот и неси, раз такой умный, блеать.
- Мы так не договаривались, блеать.
- Иди нах. Хочу отдохнуть.
- Какое отдохнуть, блеать? Босс уже в лавке!
- Да хоть в хуявке. У меня идея получше.
- А ты не ауе? Какая, нах, идея? С какого перепугу?
- А почему у меня, блеать, не может быть идеи?
- Потому что ты лох, блеать. У тебя их отродясь не бывало.

- Ну ты и придурок, блеать!
- Ладно, не лох. Давай уже, нах, колись.
- Покурим, тогда и скажу.
- Да хрен с тобой, блеать.

(Пауза.)

- Они там ещё не передохли нах? Чё-то затихли.
- Открой, блеать, крышку и посмотри.
- Нах надо. Ещё разлетятся нах.
- Стопе, а где мобила?
- Посеял, блеать.
- Иди ты нах.
- Да кому звонить в такую рань? Ты точно бнулся.
- Пропустишь бабки. Ты, видно, хочешь всю дорогу целовать босса в зад, блеать.

– Иди нах.

– Разве тебе не нужны нормальные бабки, блеать?

– Да чё ты темнишь, чё?

– Через плечо! Есть кто-то почище, разве непонятно, блеать?

– Серьёзно? Ну и кто этот хрен почище?

– Один доктор.

– Хероктер, блеать!

– Успокойся, придурок.

– И чё он хочет? Зачем ему наши мыши? Чтобы жрать?

Такой богатый, блеать?

– Ты просто кретин! Он доктор наук, между прочим.

– Чё это значит, нах?

– А то, что он учёный, нах! Приборы, исследования, блеать. Все дела.

– И каких, блеать, наук?

– А тебе не пох, если хорошие бабки?

– Да в общем пох. А чё он будет с ними делать, блеать?

– Ну ты и тугой, блеать! Ясен пень, ставить опыты.

– Сам ты тугой, б твою ать! На херопыты идут другие мыши, блеать!

– А ты почём знаешь?

– Это все знают, кроме тебя, блеать.

– И какие-растакие?

– Простые! Белые! А не летучие, нах!

– Простые – это серые, блеать.

- А мне пох. Серые или белые. Но они не летают!
- Думаешь, я чё попутал?
- Говно вопрос попутал, блеать.
- Такие белые с красными глазами, да?
- Езда! Ну да, а какие же?
- Но он сказал... в смысле этот доктор... мне показалось.

Да где же карточка? Можем позвонить.

- Посеял нах?
- Заткни глотку! В той куртке оставил, блеать.
- И мобилу тоже нах?
- Мобилу на зарядке, блеать.
- Ну ты и лох.
- Сам ты лох, нах.
- И скока бабок?
- Чё скока?
- Даёт твой хероктер. За мышь.
- Сказал «не обижу».
- Ну ты и лох. Ничё конкретного, блеать.
- Иди ты нах.
- Ну ты и лох, блеать.
- Иди-ка нах.

6

Звуки, знаки, сигналы, речь. Когда летит, мой Хозяин разговаривает со всем существующим. Он посылает сигналы и

ждёт ответов. Не таковы Гиги: они не обращают внимания на существ иного типа и их языки; они говорят лишь друг с другом и как будто стараются друг друга заглушить. Задавить. Возможно, они вообще не ждут никаких ответов. Новое мешает им. Едва ли они что-то знают о жизни моего Хозяина. Она им безразлична. Насколько я понял, они даже не хотят становиться нашими насильственными хозяевами. Но они и не уничтожают нас. И это странно.

Для чего мы им?

В условиях, в которые они поместили Хозяина и его звероголовые подобия, кажется, невозможно выжить. Никого не кормят и не дают двигаться. Что это значит? Они хотят, чтобы все умерли?

Если жестокость – свойство всех Гигов, то я уже ненавижу их.

7

Но, может быть, они поймали Летучих случайно и просто не знают, что с ними делать?

Я не хочу скукоживаться от ненависти. Я мысленно болтаюсь. Пока меня не пронзает догадка: они поймали нас спе-

циально и не убивают, потому что собираются передать каким-то другим существам. И что-то получить взамен. Мы — чей-то будущий корм? Они хотят чьей-то благодарности? Я чувствую смутное сходство этой версии с тем, как я питался мякотью Хозяина, оставляя в его камерах сломанные отростки, и мне становится стыдно: так себе обмен, честно говоря.

8

Но если догадка верна, то кому же эти Гиги должны передать нас? Кто этот Доктор?

Встреча с ним может оказаться гораздо более трудным испытанием.

Бывают ли вообще Гиганты, лишённые жестокости? Эти вопросы разрывают меня. Нет-нет, нельзя расслабляться, Хозяин должен быть начеку. Я думаю, единственная возможность вырваться возникнет при смене мучителей.

Мне кажется, Летучий уже понял это. Пока мы под контролем двух Гигов, ощупывающих воздух с помощью звуко-сочетаний «блеать» и «нах», мой Хозяин может экономить силы. Он спит.

Я тоже включаю энергосберегающий режим. Но что это?

Какой-то сбой общего ритма. Я пытаюсь представить, что это значит. Кажется, нашу неволю вместе с двумя грубыми голосами переместили в другую быстродвижущуюся неволю. Пещеру в пещеру, логово в логово. Ритм становится рваным и частым: тело Хозяина мотается, и я вместе с ним. Ни Хозяин, ни его копии не выпускают ни звука.

9

А наружные шумы медленно нарастают. Они очень извне. Нет, конечно, я не могу, как Летучий, определять местоположение существ, выпуская голос на свободу. У меня нет голоса. Но чему-то важному я всё же научился у него. Чувствую опасности. Ощущению пространства, смешанному с быстротечностью всего. Разнотечностью.

И сейчас это пространство, в которое мы влетели и которое я не могу видеть, но всё-таки чувствую, стало разноголо-со-громким. Миг – и внешнее замерло. И теперь тесное логово, предназначенное для Хозяина и его подобий, подняла и несёт грубая сила.

Громкоголосица обрушивается на нас, и очнувшийся Хозяин начинает метаться, выпуская во все стороны прерывистые звуковые цепочки.

– Простите, пожалуйста, это вы продаёте рукокрылых?

Что у вас в корзинке?

– А тебе какое дело?

– Уважаемый. Да погодите. Ведь я уже говорил с вашим коллегой. Делал предзаказ.

– А, так ты доктор! Коллегой, блеать! Я просто не могу!

– Я работаю в лаборатории. С вами мы не пересекались ранее. Я говорил с вашим товарищем.

– Брателло, подгреби-ка. Ты правда знаешь этого типа?

– Кажется, это тот. Доктор.

– Кажется, блеать, или тот?

– Он.

– И чё ты хочешь, доктор?

– Мне нужны две особи. Летучие мыши. Самые крупные. Покажите.

– Тише! Босс услышит. И скока дашь?

– В какой вам валюте?

– Да тише ты! Э... в зелёных.

– А ты не ауе, брателло? Нах нам доллары?

– Дурак, блеать? Это ж мировая валюта. С ней ничё не будет. Чё бы ни было.

– Я могу и в долларах. Назначьте цену.

– Сначала ты.

- Триста за обе особи.
- Четыреста.
- Договорились. Пойдёмте со мной.
- Погоди-погоди. Ещё надо выбрать. Брателло, остальное сдашь боссу, да побыстрее. Чё-то они притихли там.
- А я не пойду с тобой?
- Тише! Нет. Открывай.
- Блеать! Они уже передохли!
- Молчи, кретин. Одна дышит. Как раз для доктора. Давай двести и забирай нах.
- Сначала мышь. Кладите сюда.
- Сначала зелёные!
- Да за кого вы меня принимаете? Вот, ладно.
- Клади ему мышь.
- Спасибо.
- Если чё, мы пока ещё тут, доктор.
- Спасибо. До свидания.
- Ну, бывай.

11

Мой Хозяин берёт удар на себя. Я защищен крепостью его нёба, которое сейчас – моё небо. А я не могу дать ему ничего, кроме клятвы не покидать, не оставлять. Почему я так часто думаю об этом?

Хозяина несут прочь от его молчаливых собратьев-копий, прочь от громкоголосых грубых Гигов, в какую-то жуть, в неизвестность. Он обо мне не знает, но я люблю его. Я – секрет Хозяина, даже от него самого. Я плаваю в секрете, который он выделяет, и стараюсь сосредоточиться на жизни. Я хочу, чтобы Летучий выжил.

Я боюсь сдвинутого вперёд мига.

Глава 3

Лаборатория

1

Хозяин тих. Его пузыри пахнут жидким ужасом. Я хочу есть, но изо всех сил сдерживаюсь. Где мы, неясно. У нас новый Гиг. Он произносит мало звуков и, похоже, устроен иначе, чем те грубоголосые двойники, которые несли нас раньше. Он спокоен и перемещается равномерно. Отсутствие хаоса вокруг него пугает ещё больше, чем громкоголосица и переворачивание. Я чувствую нарастающую тревогу Хозяина, который почему-то не спешит обследовать обстановку с помощью сигналов. Когда он наконец раскрывает зев, обнаруживается, что голос Хозяина изменился. В нём появился привкус тоски. Я теряю отростки, подпитываясь им.

Нас вносят в пространство, которое глушит звуки извне и что-то делает с ними внутри. Мой Хозяин кричит, но не может добиться ответа от стен. Его крик утыкается в покровы Гига. Зло не исходит от горы тела. Она полна покоя и сосредоточенности. В общем пространстве, где теперь мы и наш Спокойный Гиг, есть внутренний отсек. Насколько я могу

это понять. Нас туда выпускают. Отсек для моего Хозяина совсем невелик, судя по тому, что в полёте приходится всё время разворачиваться. Но всё же Летучий может двигаться, и это уже благо – небольшое, но улучшение его положения. Хозяин делает ветер и бьётся о какие-то поверхности, его глотка испускает цепочки звуков, но они рассыпаются, отталкиваясь от границ.

Странные стенки: кажутся воздухом, но оказываются твёрдостью. Крики, бесполезные для Хозяина, позволяют мне всё же кое-что распознать. Я учусь воспринимать реальность искажённых звуков и неопределённых состояний.

2

Из ниоткуда возникают подобиya Спокойного. Сколько их, непонятно. Мне кажется, они что-то волокут (я слышу жёсткие с выступами, ритмично соприкасающиеся поверхности). В нашем внутреннем пространстве обнаруживаются щели. Хозяин их нашёл. Где-то здесь – выход из псевдовоздушного отсека. Хозяин наваливается на стенку и кричит, я глубже прячусь в жалкий пузырь. Какая-то сила открывает часть стены, и Хозяин, жадно глотающий воздух подрагивающим зевом, оказывается схвачен. Я понимаю, что мы в лопасти Спокойного Гига. Она покрыта чем-то слишком душно пахнущим. Хозяин уже не смыкает зева. Тело его сотрясается.

Вокруг царство белого звука и равномерно звенящих частей, которые размываются. В глотку Хозяина катится неизвестное. Это вещество. Жижа. Спрятавшись в пузыре, я вижу поток полусуществ, смываемых в хозяйскую бездну. Среди них есть совсем простаки, складчатые единственки; есть и сложные, состоящие из просвечивающей оболочки и разноцветной жизни жгутиков и прочего наполнения. Есть похожие на меня. Как быстро они проносятся! Я не успеваю обменяться с ними ничем. Меня удивляет горечь, которая наполняет меня при мысли об этом.

3

Жижа, кажется, пришлась Хозяину по вкусу. Он успокаивается, а я успеваю выпростать отростки из оболочки пузыря и схватить маленькое полусущество, вдавить его в себя и растворить в себе. Так себе перекус. Бессмысленный. Дающий ненастоящие силы. Я начинаю движение прочь от бездны, замирая, когда Хозяин вздрагивает. Функции его тела постепенно замедляются. Я всё ещё не решаюсь питаться им. Я не хочу отвлекаться. Я пытаюсь постичь, что происходит, и расслышать, что произойдёт.

Извне – обмен речевыми событиями между Спокойным и его возможными копиями. Я хочу зафиксировать сочетания

звучков и отложить их в поры каталога, но улавливаю только обрывки. Голоса Гигов равномерно-похожи, и мне даже не удаётся понять – это говорят только Спок Гиг1 и Спок Гиг2 или есть ещё и Спок Гиг 3 и больше.

4

– аза – кокарбоксилаза – сиквенс – нуклеаза – рибонуклеиновая – пластина – рецепторы – иммуноглобулина – контагиозен – нуклеотиды – рибоза – пептиды – белки – геном – мутация – рандом – антитело – конфигурация – трудное дело – реакция – выборка – сыворотка – активация – рекомбинация – лимфоциты – эритроциты – тромбы – протомбы – домен – обуза – эксперимент – союзы – реактивы – паллиативы – вирус – папирус – вакцина – структура – медицина-натура – иммуногенно – внутривенно – эффекты – аспекты – прогнозы-дефицит – сахароза – тромбоцит – штаммы – программы – ошибка – машинка – спектр-коллорація – аспект – дифракция – проба – микробы – бактерии – потери и...

5

...и всё опрокинулось. Угроза цвета ночной реки мелькнула сквозь бормотанье Гигов (мгновенный холодный

блеск) – и вот расслабленное тело Хозяина уже вздёрнуто болью. В него вонзается острота, неизвестная живому миру. Не́бо/небо Хозяина раскаляется. Ай! Ай! Я усыхаю, сдуваюсь, исчезаю. Я чувствую дикую жажду. Во мне разрыв! Какие-то удлинённости опутывают меня. Мой разрыв начинает их втягивать.

Я не могу закрыться. Я поглощаю нечто против своей воли.

6

Хозяин тяжело дышит. Тело его наливается несчастьем. Он в псевдо-воздушном отсеке и мог бы полетать, но он только и делает, что выпускает цепочки жалобных звуков. Кому они тут нужны? Хозяин обречён на какие-то взаимодействия с Гигами. Вернее, их насильственные действия. С ним что-то сделали, но – странно – мне надоело сопереживать ему. Я устал. Во мне сгусток разочарования.

Всё кажется мутным от того, что Хозяин оказался таким слабым перед лицом новой реальности. Но с какой стати я воображал иное? В этом мире, исполненном разнонаправленных сил, всегда найдутся те, что превосходят твои. Ещё недавно меня даже не задевало то, что Летучий не подозревает о моём существовании. А теперь я думаю об этом, и мне

тоскливо. Какой-то смысл улетучивается из всего, на чём бы я ни замер. Моим воображаемым отросткам больше не за что уцепиться.

Распад любви. Да что она такое? Она не вещество и не существо. Что же случилось? Что заставило меня думать о нашей общей жизни просто, без трепета? Неужели та жижа, которой Гиги напоили Хозяина? Или что-то ещё? Что-то, что вошло вместе с остротой?

Не знаю. Но чувствую, как становлюсь крепче.

7

Так – значит так. Пора и о себе подумать. Я протыкаю несколько пузырей, под оболочкой которых не обнаруживается ничего интересного. Обитатели камер давно превратились в какой-то сухой шлак. Я прокатываюсь по ним. В общем-то, выедать здесь нечего.

Голод ускоряет реакции. Я быстро забуряюсь в слои хозяйской глотки. Вот наконец не камеры, а подобие берега. Узкая река, кишашая деловитыми кругляками. Они плывут, перенося какие-то секретные вещества. Это же трубопровод Хозяина! Один из трубопроводов. Что за вещества и куда их надо доставить этим круглякам, меня уже не интересует.

Взаимодействия внутри Хозяина подождут, как и возможные внешние события. Подождут! Ведь я так нестерпимо голоден! И только я отвечаю за сохранность «я».

8

Я бросаюсь в поток, преграждаю путь одному из пловцов и перехватываю его упаковку с пищей. Непривычный вкус, но ничего, сойдёт. Я чувствую необычайный прилив сил. Суда жадности охватывает всего меня.

Я себе не очень нравлюсь таким – но пришло время действовать. Хватит всё время полагаться на свои представления о всемирных законах. Они описывают сдвинутую назад реальность! Миры уже изменились, и может быть, и законы тоже. В такой неразберихе это не определить.

Если бы у меня сейчас был хотя бы миг, чтобы прислушаться к себе, тогда бы я, может быть, и переживал из-за какого-то превращения. Из-за того, что и я изменился и пока не знаю, чего мне от себя ждать. Но мне надоело думать. Я хочу жить. Летучий, пойми и прости (хотя, конечно, ты меня не слышишь). А перед кругляками в твоём трубопроводе странно извиняться. Они не обладают статусом самостоятельной жизни или полужизни. Просто бестолковые однонаправленные пластинки.

Я пожираю их ноши без сожаления, оставляя им свои фрагменты, обломки отростков. Мне не жалко – новые вырастут. А они, глупые пластинки, в отличие от Хозяина, теперь будут помнить обо мне.

9

Кажется, я слишком увлёкся охотой и подпиткой. Внешняя реальность осталась без наблюдения. А в ней что-то происходит. Стоп! Я чувствую мягкие шумы. Тихое приближение сдвинутой вперёд опасности. Летучий оживает. Я чувствую, как он пытается подняться, но что-то точно держит его. Его голос становится всё тоньше, всё выше и, уже неразличимый, прорезает барьеры и уходит вверх, в небо, которого здесь нет.

И вот я понимаю: тело Хозяина, мой непосредственный мир, куда-то ползёт. Нет, скорее, его грубо волокут. Кто-то волочёт, логикой движения непохожий на Спокойных Гигов. Тело-мир ударяется о внешнее жёсткое, я это слышу, замерев. Хозяин молчит. Он уже никому не может сопротивляться. И тут с меня спадает пелена, и с ужасом я понимаю, что произошло.

Это я виноват. Я отступил от него внутри себя, и это со

мной давно. Я забыл о том, ради чего я в нём существую. Теперь я кажусь себе ничтожней самого бесполезного, самого мёртвого шлама отсеков. Ничтожней трухи от мёртвых существ. Так ли уж я полужив, я, жвавший своего Хозяина просто так, я, забывший, что значит преданность и забота?

Я упустил, я пропустил что-то важное. Какую-то прожилку бытия, какой-то его каналец, вход. И теперь я теряю того, которого так любил когда-то, оказываюсь внутри его последней судороги. И внутри его смерти. Я заслужил это. Я, но не он. Кто-то страшный перерезает глотку Хозяина, перетирая еле живую мякоть острыми, твёрдыми разрывателями реальности. Все связи нарушены, все трубопроводы текут вон, все отсеки раздавлены, все уровни перепутаны.

Всё кончено. Мы с Хозяином летим в бездну.

10

- Ах ты, дрянь, что ты наделала?!
- Мау! Мау!
- Какой эксперимент, а?! И всё пропало. Тварь!
- Мау! Мау!
- Да как она открыла дверцу? Вроде плотно было.
- Мау! Мя-яу!
- Кто тебя впустил? Это невозможно!

- М-мя-яу! Мряв!
- Чья это кошка? Кто посмел? Уволить!
- Нмау-у, мр-р.
- Да ничья она.
- Мау!
- Не лаборатория, а проходной двор!
- М-му-у-ур. Мр-р.
- Пошла вон! Ребята! Надевайте перчатки! Взять её!

Тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт.

- Вот, вот она! Заходи сзади!
- М-мяв-в!
- Осторожней, чтобы не оцарапала! Она может быть разной!
- Что вы ей вкололи, док?
- М-мяу!
- Лови давай. Не задавай глупых вопросов.
- Я не нанимался заражаться от ваших подопытных.
- Все вон! Все пошли вон! И её забирайте! Где уборщик?
- Мау! Мау!
- Он сейчас будет, док.
- Надо всё зачистить и простерилизовать тут. Ничего не трогайте. Перчатки в стирку.
- Ладно-ладно, док. Мы уже уходим.
- Эксперимент провален.

- Мы пришлём уборщика.
- И поскорее.
- М-мяв!

Глава 4

Рынок

1

Бездна оказалась настоящей, но только для Хозяина. Прежнего. Он в неё канул.

Мне тяжело сейчас думать о том, что я оказался более живучим. Отростки ещё хранят воспоминание о прежней привязанности. Отсутствующие отношения странно отчётливы. Как это понять? Я не помню, чтобы такое было со мной в сдвинутой назад реальности.

Всё ли я сделал, чтобы уберечь Летучего Хозяина?

Нет.

Сейчас ничто не спасает меня от знания о том, что я начал отрываться от него давно. Связь слабела. Моя – не его. Летучий не знал о моём существовании. Но разве это имеет сейчас значение? Важно лишь то, что это я успел его разлюбить. Как странно и страшно.

Разлюбить – получается, это и значит выжить.

2

Есть ли что-то по ту сторону бездны?

Я не понимаю, зачем думать об этом. Это ни к чему не ведёт. Это слишком остро. Летучий промелькнул, он уже канул. Это мы его отдали бездне. В его смерти есть наша вина. Моя.

Мне не с кем поговорить. Я не испускаю сигналов, которыми можно было бы обменяться с другими. Я беззвучен, я непонятен. Я незаметен. Моё «я» самозамкнуто, и я не могу объяснить всего, что понял сам, даже тем полусуществом, которые похожи на меня. Даже тем, кто вырастает из моих отростков.

И что такое это «я»? Кто я вообще? Остаюсь ли я тем же «я», переходя через испытания? А другие? Кто мне об этом расскажет?

3

Раньше я думал, что главное – это преданность. Она соби-

рает мои растопыренные щупальца, мои разрозненные желания и кусочки впечатлений. Но вот она обманула меня. Закончилась. Я понял, что могу путешествовать от Хозяина к Хозяину, теряя одни реальности и получая другие.

Это больно. Это очень больно.

Это интересно.

4

Я вспомнил, как совершился сам перескок на другую прожилку бытия (понять – и забыть). Когда горло Летучего оказалось в пасти нового Хозяина, я только и смог, что использовать свой простейший трюк: внедриться отростками в первый попавшийся пузырь, чтобы меня не смыло в кисло пахнущее варево утробы. Я заставил себя забыть о Летучем. Новый Хозяин поглотил прежнего. Сначала убил, а потом сожрал. А я задержался в его глотке.

И всё.

Прощай и прости, Летучий.

Новый хозяин разговорчив. Я изучаю его язык.

5

Пока смог распознать лишь несколько звукосочетаний: требовательные речи возникают с длинным «а»; сомнения прячутся в прощупывающем воздух «м-м-м»; м-м-мурзыка завершения, гибкое владение ситуацией выражается в гаснущем «у».

Я вслушиваюсь в обертоны мягкости. Нарастание речи происходит постепенно: звуки кажутся такими же плавными, как и движения Хозяина. Он прекрасно ладит с воздухом, в который не поднимается.

Однако впечатление плавности обманчиво. Природа его движений не проста: мягкость обволакивает хватку и готовность к броску, подобно нежности воздуха, скрывающей жёсткость событий.

Новый хозяин движется необыкновенно.

6

– М-ма(у), м-мамум, мр-р. Не задерживай меня, Мурз. Не сегодня. Я не хочу, м-мне мнекогдау, мр-р.

– М-мя! Ну один раз! О, как ты пахнешь там-м-м! Стой, я сейчас тебя...

Кто-то иной, грубый и, кажется, более крупный, гулкий, говорит с Плавным, обдавая нас жаром своего тела-мира. Что ему нужно?

– М-м-мнет, м-мн-нет.

Из-за тряски плавнохозяйского тела жидкость трубопроводов разворачивается вспять.

– М-мя!

– Ш-ш-ш! Не см-мей!

Тело Плавного Хозяина вибрирует от негодования. Или от чего-то ещё – того, что я не понимаю?

– М-мяв! Ну куда ты?

Голос Грубого смягчается. Голос Плавного тоже оказывается неожиданно умиротворённым:

– Всё тебе скажем-м-м. Мна рынок мнаадо.

– За м-мя-ясом?

– Не твоего ум-ма-а дело. Покау.

Я пытаюсь понять эту встречу. Крупный двойник напал на нового Хозяина. Их взаимодействие было опасным и коротким. Оно сопровождалось сильной тряской, причём сначала тела-миры колебались по-разному; потом возник единый ритм и мне показалось, что произошло слияние двух существ в одно.

А потом они разделились, вернувшись к себе. Плавный остался, а Грубый пропал. Неразбериха реакций ушла, движения снова стали равномерными. Мягкий покой передался всем отсекам и сделал стенки их ещё более упругими. Покой сочился отовсюду, как туман.

И теперь я думаю: может быть, существа вообще подразделяются на два совершенно разных типа? На грубоголых, крупных и властных, борющихся с реальностью за что-то (за пищу?) – и на других, более мелких и мягких, принимающих всё как есть, обладающих нежными, вкрадчивыми голосами?

Когда эти два типа существ взаимодействуют, то по воле крупных все они могут сливаться в двойные существа, и в это время их тела-миры могут обмениваться какими-то

недостающими им свойствами. Необходимыми для выживания, лучшего приспособления к реальности. Властные получают мягкость, а покорные – силу (как-то так).

Они соединяются ненадолго: были «он» и «она» – стало «оно». А потом они опять распадаются, отправляясь по своим делам.

Если моя догадка верна, тогда мой Плавный Хозяин – не он, а она!

Не Хозяин. Хозяйка.

8

А я – полусущество. Я не живу, а полусуществую. Я не взаимодействую с себе подобными. Ведь полусущества не нуждаются в обмене свойствами с другими полусуществами. Нет, мы нуждаемся отнюдь не в своих подобиях.

Мы нуждаемся в Хозяевах. В тех, внутри которых мы можем быть.

А Хозяева исчезают. Они пропадаают в бездне.

Откуда же они возникают? Из каких пропастей? Из какого утра? Какой тьмы? Какого тумана? Какой реки? Я не ви-

дел их возникновения. Для меня они точно уже всегда были. Но они сменяли друг друга, а я оставался. Я даже не знаю, сколько у меня было Хозяев. Я не помню сдвинутой назад реальности, иначе я бы исчез от тоски. Существуют ли они сейчас, в небытии, без меня? Каково им не быть?

Возвращается ли кто-то из бездны, а? Возможно ли это? Может быть, они из бездны и возникают?

9

Я не знаю, возможно ли деление существ. Могут ли они повторять себя, создавая копии или подобию, как мы? Все полусущества делятся. Например, я оставляю в камерах Плавной свои отростки, из которых могут произойти другие полусущества при определённых условиях. Это естественный, лёгкий процесс. Для этого нужна только пища. Наши «я» рассредоточиваются безо всякого смысла. Я не слежу за полужизнью своих копий.

10

Нас обступает разноголосица. Я прекращаю вскрывать новые отсеки. Хватит проникновений. Я хочу выбраться из гущи и пищи и оказаться свободным в хозяйской глотке. Я на-

деюсь понять, что соответствует шуму извне.

Реальность Летучего была приглушённой замесью тьмы и света. А теперь, мне кажется, наша реальность – свет. Я хочу его ощутить. Хочу понять, что значит день – даже если это опасно.

11

Ловкость, с которой Плавная маневрирует между дребезгом, топотом и шуршанием, восхищает меня. Она вбегает в запахи.

Я выпрастываюсь из мякоти горла и болтаюсь в слизневой жидкости. Её очень много: она всё поступает и поступает из горловых резервуаров. Плавная дышит очень часто, приоткрывая и закрывая наружный мир. Запахи резче света. Они устойчивые и сменяются, не смешиваясь, целиком. Громкость разноголосицы даже теряется в них. Я думаю, что здесь, в этом насыщенном пространстве никуда не сдвинутой реальности запахи тоже становятся речью, которую я бы мог освоить. Понять, откуда они идут, кому принадлежат.

Плавная так независима и непостижимо ловка, что, кажется, она ускользает ото всех – от своих жителей-полусуществ, от существ и Гигов внешнего мира. От нас и наших

возможных привязанностей. Она убегает от всего.

Я понимаю её. Плавная вызывает у меня любопытство. Жадность безнаказанного интереса. Ни больше ни меньше. Но, думая о ней, я не забываю о себе. Я могу убавить силу интереса, когда захочу. Может быть, всё дело в том, что после гибели прежнего Хозяина я боюсь привязываться. Прохлада любопытства позволяет оставаться закрытым. Я не служу новой Хозяйке. Я путешествую в ней.

12

Ой!

Пока я думал, что-то произошло. Мир рванулся и опрокинулся. Плавная уже – Неплавная! Она обожралась запахами. Р-раз – пасть раскрылась и сомкнулась. Теперь она держит новое чужое душное, которое затыкает свет. Запах ужасен. Это мёртвое тело-мир. Слизневые потоки всё извергаются. Меня несёт к мёртвому. Как же холодно!

Ох! Всё сотрясает оглушительный крак. Следует удар, от неожиданности которого пасть разжимается, и я вместе со своим ужасным мёртвым пристанищем оказываюсь на свету – без Хозяйки. Мне жутко. Гомон, громовые крики, удар, удар.

– М-мя-яв!

Мы снова в пасти Плавной. Над нами громовые голоса Гигов. Они орут: «А», «О», «Э», «У» (больше я ничего не понимаю). Я отчаянно пытаюсь прикрепиться к влажным покровам гортани, я не хочу быть с мёртвым. Вдруг оно пропадает, и вот уже свет застит живое; Хозяйка ест что-то обдающее всех её жителей, оказавшихся на поверхности её крика, чужой, горячей и сладкой жидкостью. И вот уже меня швырнуло в разрушенные слои чужой мякоти, вываливающейся из отсеков.

Р-раз – и Плавно-Неплавная исчезла. Р-раз – и перепутанные слои и я взмывают вверх, на ослепительно-яркий свет, мучающий непонятным. Р-раз – и я в тенистой пещере. Это тоже гортань. Чья она, я не знаю.

Всё произошло слишком быстро.

13

– А! А! Ну где ты там?

– Сейчас, сейчас!

– Ты видела? За палец цапнула!

– Голодная, видно.

- Жалеешь её, да? Кошару эту? Лучше перебинтуй. Не могу сама. Сильно кровь идёт, чёрт.
- Я сейчас, потерпи.
- Чёрт! До мяса!
- Не облизывай! Давай я тебе полью. Так. Теперь надо обработать рану. Где у тебя перекись?
- Посмотри тут, в верхнем ящике.
- Нету. Только вата. Сейчас. Давай я тебе и губы вытру.
- Кажется, в сумке у меня были салфетки. Анти... анти-бактериальные.
- Ага.
- Поймать бы их всех и перестрелять!
- Кого? Кошек? Много их здесь. Всех не перестреляешь.
- Ты просто неисправима! Не забыла, кто тут пострадавший?
- Ну не сердись.
- А людей тебе, значит, не жалко.
- Я видела: люди дают кошкам обрезки мяса.
- Те, кто даёт, скоро прогорят.
- А ты за одну креветку чуть её не убила!
- Опять двадцать пять! Затяни получше.
- Так пойдёт?
- Угу.
- Зачем же так злиться? И вреда от неё никакого.
- Э, подруга, ничему тебя жизнь не учит.
- Всё-таки божья тварь.

– Слушай! Ты в секте зелёных, что ли?

– Нет. Но у древних египтян, например, кошки считались священными животными...

– Эй! Она укусила твою подругу! О чём ты?

– Прости.

– И ведь к лучшему товару пролезла!

– У нас, ты думаешь, самый лучший?

– Лучшие креветки на рынке. Королевские.

– Но запах уже у них, тебе не кажется?

– Нормальный запах, дурында!

– Как будто несвежий...

– Молчи. Ты тут недавно. У тебя испытательный срок. Вышвырнут и не почешутся! И кому потом отвечать за тебя, а?

– Прости. Просто у нас в магазине...

– Ну и где теперь твой магазин?

– Ты же знаешь.

– Откуда я знаю? Может, и правильно, что конфисковали.

– Зачем ты так?

– Может, босс твой обдeldывал кое-какие делишки?

– Ты это нарочно говоришь! Ты же знаешь, что это было несправедливо.

– Чёрт! Палец болит.

– Ослабить повязку?

– Не надо.

– Я рассказывала тебе: на него накатали донос. Он ни в чём не виноват.

- Да почему я знаю, кто виноват, а кто – нет?
- Хозяин был порядочным человеком.
- Порядочным сроки не дают.
- Это было давно. Судебная ошибка.
- Так уж и ошибка. Они-то дело подняли, проверили.
- Нет, просто он тогда в университете лекции читал, а на его место метил другой. Вот он и написал донос.
- Серьёзно?
- Ну да. Что-то политическое, но это между нами. Что чему-то не тому учит студентов.
- А что за лекции были?
- По философии.
- И потом тюрьма, а потом торговля креветками?
- А что тут такого?
- Ничего. Просто как-то странно: философ – и креветки. Философ-креветочник.
- Такова судьба.
- Я вот всю жизнь этими проклятыми креветками занимаюсь. И без всякой там философии. Как же мне всё это надоело! А тут ещё эти кошки! А если она бешеная?
- Просто сходи к врачу.
- На что? У меня страховка закончилась, а выручки пока нет.
- Давай я тебе одолжу.
- Богатая? Ты с ума сошла?
- Сходи, когда будет обед.

- Да как ты одна тут будешь?
- Как-нибудь справлюсь.
- Нет, я лучше в аптеку.
- Ну, сама смотри. Вы что-то хотели, уважаемый?
- Мне морепродукты, всего понемногу.
- А вам?

Глава 5

Открытие

1

Раньше я думал, что это невозможно. И всё-таки это произошло. Я оказался внутри Гига и теперь живу в нём. Двигусь с лёгкостью, открывая одну хорошо обустроенную камеру за другой. Мне даже не требуется каких-то особых усилий, чтобы изучать нового Хозяина, – всё происходит само собой, так естественно, точно именно это мне и было предназначено. Вернее, новую Хозяйку (это Гиг по типу «она»). Я никуда не спешу. Как-то постепенно я начал понимать язык Гигов, а вместе с ним и систему их связей со всем существующим.

Гиги – существа с взаимоисключающими свойствами. Они сильны и многое могут, но всегда чего-то боятся. Это главное, что я понял в них. Страх пропитывает все стенки из отсеков, гибкие и прочные оболочки трубопроводов; это страх их текущих жизней, связанный с какими-то настоящими опасностями и нежеланием их принять. Страх, появляющийся исподволь, под покровом отваги жить, ничего не же-

лающей разбирать. У каждого Гига этот страх свой.

Но, кажется, у каждого из них есть ещё один, более глубокий страх. Общий. Находясь в камерах Хозяйки, я могу к нему прикоснуться – он твёрдый, упругий, свёрнут в тонкие трубочки и лежит неприметно под более нежными плёнками и слоями мякоти. В тех Гигах, с кем говорит Хозяйка, я улавливаю его как звук (он кажется низким, почти неразличимым гудом). Глубинные страхи других Гигов реагируют на её страх, как бы подключаются к нему. Возможно, сами Гиги ничего не знают об этом.

2

Может быть, это отложенный страх их бесстрашных предшественников, живших в сдвинутой назад реальности. Нерастраченный страх предшественников, который был передан нынешним Гигам неизвестным мне способом. В обычной жизни Гига он не активирован, а тщательно свёрнут и как тайна упакован внутри центральных резервуаров, которыми оснащён каждый отсек гигантского тела. Отсеки и камеры очень разные – разных форм и размеров, разных условий для жизни полусуществ, населяющих их. Но тайна у всех отсеков одна. Когда этот глубокий гигантский страх по каким-то причинам активируется и выпускается, он быстро захватывает, заполняя собой, всё пространство отсека.

Тесно и липко в отсеках Гиганта, активировавшего свой глубинный страх.

Он разворачивается и разворачивается, прибывает и прибывает. Он вкусный, но по питательности, конечно, обманка: не даёт никаких сил, только ускоряет голод и жадность. Пожирая его, трудно остановиться.

3

Мой Гиг – довольно мягкая «она», слабоголосая, льющая полубессмысленную речевую жидкость, подобную жидкости трубопроводов, переносящей полусущества, пластинки, обломки.

Это «она», уже довольно давно существующая в наружном мире, который, кажется, называет «планета Земля». Моя Хозяйка уже успела от этого устать. Призвук усталости есть во всём, что она делает и говорит. Обычно она равномерна и будто слегка замедлена в движениях; слабая их энергия исполнена заботы обо всех, с кем она встречается. Для неё в этой заботе нет особого смысла и радости – об этом я догадываюсь по вялым процессам внутри её камер. Отсеки не освещаются; трубопроводы холодны, а большинство полусуществ внутри камер пребывают в режиме сна.

Так происходит при контакте со всеми существами, кроме одного. Судя по низкому и какому-то острому голосу, это «он». Его слова наполнены вибрацией и силой. Он называет Хозяйку «Ма», а она его «Лыш». Когда Острый Гиг разговаривает с Ма, его глубинный страх мною не регистрируется.

При встрече с Лышем Хозяйка оживает и её камеры и отсеки наполняет мягкий свет и тихий звон. Она вся преобразается изнутри. Быть в ней теперь прекрасно. Голос набирает силу и становится похож на обещание чего-то несуществующего. Даже немного вязким – столько в нём нежности.

Когда Лыш уходит, к голосу Хозяйки примешивается обречённость на сдвинутую вперёд реальность. И всё. Нежность сохраняется как фантом, как воспоминание. Все процессы в её отсеках повторяются, и мне надоедает за ними следить. Я и сам наполняюсь какой-то скукой. Мне хочется замереть – точно на меня действует этот общий режим экономии сил.

4

Это длится до тех пор, пока в Хозяйку не проникает догадка о бездне, куда может кануть всё, чем она дорожит, и она сама. Эта догадка находит на неё как приступ, обессилив-

вая всё тело. Но вот что странно: вместо того чтобы замереть, сберегая силы перед ужасом, тело-мир, наоборот, начинает разогреваться, течение жидкости в трубопроводах ускоряется так, что всё идёт кувырком. Слои перемешиваются, внутрикамерные полусущества толкутся, падают друг на друга, ломают и лихорадочно пожирают друг друга. Хозяйка кричит, извергая вовне всю оставшуюся в ней энергию. Она задевает внешние существа и разрушает неживые детали. Глубинный страх активирован и заполняет пространства, раздувая отсеки и разрушая их.

5

Нет, я не боюсь этих приступов Хозяйки, я продолжаю заниматься своими делами: открывать камеры и выедать из них кусочки; оставляя обломки отростков, двигаться дальше. Я не встречаю сопротивления. Попав в гортань Милой Хозяйки, я ушёл уже довольно далеко в изучении её тела-мира, но всегда могу вернуться по своим следам.

Я не боюсь кануть. Тот, кто не способен к самостоятельной жизни вне какого-либо существа, наверное, и не может ни жить вполне, ни исчезнуть вполне. Я много думаю об этом. Я понял, что существую только в Хозяевах, открывая их особенности. Живу познанием их. Сейчас у меня нет другого смысла и цели. Когда-то я любил Летучего и хотел рас-

твориться в нём, но не смог. С тех пор я выращиваю в себе одно понимание.

Я знаю, что должен любить своих хозяев. У меня это не получается.

Ну так и что ж?

Понимание. Лучше, чем ничего.

6

Я и не существо, и не вещество. Но полусуществую. Мое положение не определено. А что, если я вообще никто? Если я такой же, как страх, переключатель реакций тех, в ком нахожусь? Несмотря на то что у меня есть отростки и возможность свободно думать, я и сам не знаю, насколько я жив, а насколько мёртв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.